

Генрих ОРЛОВ

<О «Свидетельстве»>

**СВИДЕТЕЛЬСТВО. МЕМУАРЫ ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА
СОЛОМОН ВОЛКОВ (РУКОПИСЬ)
РЕЦЕНЗИЯ Г. ОРЛОВА**

При знакомстве с рукописью прежде всего озадачивает ее титул. Насколько мне известно, в огромной литературе такого рода нет изложенных от первого лица мемуаров, которые не были ни написаны, ни продиктованы мемуаристом. В письме от издательства с предложением отрецензировать рукопись г-на Волкова говорилось следующее: «Шостакович не диктовал свои воспоминания. Он позволил г-ну Волкову задавать вопросы, на которые давал краткие ответы... Г-н Волков делал заметки скорописью. Постепенно он превращал эти заметки в развернутые разделы, а весной 1974 года начал организовывать этот материал в более пространственные главы. По завершении каждой главы г-н Волков знакомил с ней Шостаковича, который подписывал первую страницу: “Читал. Шостакович”».

К сожалению, в рукописи не осталось никаких следов, которые позволяли бы судить о том, какие вопросы задавал г-н Волков и какими именно словами на них отвечал Шостакович. При всем доверии к г-ну Волкову как посреднику, приходится признать, что его рукопись явно лишена принципиально важной для мемуаров достоверности, присущей авторским мемуарам. Поэтому считать ее свидетельством самого Шостаковича я не в состоянии, точно так же, как ни один суд не принял бы в качестве свидетельских показаний слова, сказанные от имени свидетеля его даже самым близким и осведомленным другом.

Ясно, что перед нами литературное произведение г-на Волкова, которое в лучшем случае лишь базируется на высказываниях и замечаниях Шостаковича. Критерий достоверности оказывается в этом случае весьма расплывчатым, и говорить о достоверности можно,

лишь оценив характер и содержание материалов, составляющих рецензируемую рукопись.

Музыка отнюдь не является ее главной темой, и читатель, интересующийся Шостаковичем-композитором, едва ли найдет в ней надежные новые факты, которые не были бы уже известны ему из других источников. Нет здесь ни выдержек из каких-либо документов, ни ссылок на них, указаны считанные даты, множество имен опущено, но зато в слухах и анекдотах, связанных с именем Шостаковича, недостатка нет. Стареющий, тяжело больной композитор, очевидно, опирался исключительно на свою память, и возникающие разноречия в ряде случаев можно объяснять либо ненадежностью памяти Шостаковича, либо промахами г-на Волкова. Вот один из примеров. На с. 212 Шостакович якобы говорит о глупости музыковедов, которые в течение тридцати лет считали Седьмую и Восьмую «военными симфониями»:

«Седьмая была задумана до войны. И следовательно, она просто не могла появиться как ответ на гитлеровское вторжение. “Тема нашего шествия” никак не связана с этим вторжением. Я думал о совсем других врагах человечества, когда эта тема была уже сочинена»*.

Однако на предыдущей странице Шостаковичу приписано совершенно иное утверждение о той же симфонии:

«Я просто не мог не написать ее. Вокруг шла война. Я должен был быть с моим народом, я хотел создать образ страны в битве, запечатлеть его в музыке. <...> ...Написать сочинение о наших днях, о моих современниках, которые...» и т. д.

Какое же из этих двух соседствующих, взаимно исключающих утверждений читатель должен считать достоверным?

При внимательном чтении в повторном освещении некоторых тем, личностей или событий обнаруживается немало подобных расхождений. Уже это одно делает почти излишним мое предостережение будущему читателю: ничто не считать достоверным, исходящим от самого Шостаковича; установить такую же дистанцию между собой и текстом, какую создал он сам, не подписавший рукопись,

* Здесь и далее цитаты приводятся в обратном переводе с английского языка рецензии. Номера страниц указываются по оригиналу русской рукописи, предоставленной мне издательством. — Г.О.

а лишь пометивший первые страницы восьми глав единственным словом «читал», которое означает только то, что означает.

Примечательно, что, за исключением этой повторяющейся пометы, сделанной Шостаковичем, рукопись, предположительно побывавшая у него, не содержит никаких следов его руки. Было бы наивно полагать, что Шостакович соглашался с каждым словом г-на Волкова, написанным от его имени. Разумеется, он не мог быть согласен и с каждым словом в рукописи моей книги о его симфониях¹, с которой я просил его познакомиться в 1960 году; он вернул мне рукопись с благодарностью без каких-либо комментариев, но предложил сделать некоторые сокращения (их я коснусь позже). На протяжении последних лет жизни он неуклонно избегал дискуссий о своей музыке и своих взглядах. Он не вступал в спор с критикой, не исправлял явные нелепости в официозных статьях, написанных другими для партийной прессы от его имени и с его подписью. Он держался в стороне от слов, «авторизованных» им подобным образом, и от слов о нем самом. Известно, что он собирал и хранил газетные и журнальные вырезки, особенно хулильные, считая, что глупостью они не уступают самым восторженным отзывам. Только психолог или психиатр мог бы решить, объяснялись ли его замкнутость и отъединенность высокомерием, стоицизмом или мазохизмом.

Не секрет, что в последние годы жизни Шостакович был инвалидом — и физически, и психологически. Не он один страдал от бесчисленных унижений и ударов, терял друзей, исчезавших или предававших его, опасался за собственную свободу и жизнь, был жертвой бесчеловечной системы, то и дело вынужденно поступая против своей воли, убеждений и совести. Но как человек, постоянно остававшийся на виду, близкий к верхам, блистательно одаренный, опасный своей властью над умами сограждан и известный во всем мире, он чаще других оказывался жертвой государственного садизма и, вероятно, страдал глубже других. То, что он служил орудием в руках системы, которую презирал и ненавидел, заставляло его презирать и ненавидеть себя. По той же причине он, должно быть, считал, что другие не лучше его. На с. 284 [рукописи], словно в самооправдание, он обрушивается на так называемых «свободных либералов» — Андре Мальро, Фейхтвангера, Бернарда Шоу, Романа Роллана — за их симпатии к сталинскому режиму. Однако не слишком добрыми словами характеризуются здесь и те, кому, подобно Зощенко, Ахматовой и Юдиной, удалось сохранить большую внутреннюю независимость, оставаться верными своим моральным принципам и не быть столь полезными диктаторскому

государству. В 1960 году Шостакович попросил меня изъять из рукописи моей книги цитаты из его публичных выступлений или заявлений, появившихся в печати под его именем в 1937 и 1948 годах и несколько позже, поскольку они были либо навязаны ему, либо присоветованы благожелателями-друзьями. «Я проявил недостаток мужества, смалодушничал», — сказал он. Однако в изложении г-на Волкова мы почти не встречаем намеков на подобное самокритичное отношение, на признание своих ошибок или слабостей.

Рукопись «Мемуаров» в основном касается других людей и очень мало говорит читателю о жизни и творческой работе самого Шостаковича. Ее тон колеблется между брюзжанием, раздражительностью, презрением, гневом, завистью, сарказмом, мелочной придирчивостью и недобрыми намеками — в отзывах о других и жалкой похвалой — в разговорах о себе (с. 93, 129, 193, 201–202, 371 и др.). Пощажены только Бородин, Мусоргский и Глазунов, о которых говорится более сочувственно — особенно о двух последних, отчасти ввиду их пристрастия к алкоголю, которое Шостакович разделял (правда, больше на словах, чем на деле).

Время от времени в рукописи г-на Волкова слышится хорошо знакомая интонация Шостаковича, узнается его манера бросать отрывистые, обрубленные фразы, сбрызнутые едкой иронией, — так, вероятно, и звучали «краткие ответы» композитора, из которых впоследствии вырос 406-страничный монолог, вложенный в его уста. Стилизованный в разговорной манере, сдобренный нелитературными выражениями, этот монолог включает и пространные разделы, в которых в стиль разговорной речи «транспонированы» некоторые автобиографические материалы, ранее опубликованные Шостаковичем в советской прессе*. Малозначительные, нередко анекдотические истории сопровождаются водянистыми рассуждениями и морализаторскими сентенциями, трудно представимыми в устах Шостаковича. Равно сомнительно и то, что наделенный вкусом и интеллектом человек мог всерьез и страстно сравнивать Сталина и Тосканини как диктаторов (с. 29), проводить пространные параллели между сталинским периодом и временем Бориса Годунова (с. 335–338), оценивать музыку Стравинского в заведомо

* Таковы, например, воспоминания о детстве (с. 6–7), которые заимствованы из серии очерков Шостаковича «Думы о пройденном пути», напечатанных в журнале «Советская музыка» в 1956 году. Между прочим, трудно понять, как зрелище детей, убитых полицейскими в дни революции 1905 года (с. 7–8), могло повлиять на Шостаковича, тогда еще не родившегося.

дилетантских понятиях «нравится — не нравится» (с. 40) или пускаться в долгие любительские рассуждения о смысле музыки и ее социальной значимости (с. 340–341).

То и дело встречаются искаженные цитаты* и фактические неточности**. Вероятно, мы никогда не узнаем, объясняются ли эти и другие оплошности, влияющие на содержание и стиль «Мемуаров», ошибками памяти Шостаковича или оговорками и литературными промахами г-на Волкова. Первые можно было бы прокомментировать, а вторые — тщательно выверить и отредактировать, если бы была возможность отличить одни от других.

Острота и специфичность манеры высказываний Шостаковича не могла служить единственной тональностью такого монументального и глубоко личного монолога. Чтобы сохранить избранный стиль, г-ну Волкову пришлось стилизовать не только манеру речи, но и образ говорящего. Эта дерзкая, рискованная затея выходила далеко за рамки роли смиренного, бережного интерпретатора, каким он представляет себя. В результате Шостакович появляется на литературной сцене в костюме и гриме мизантропа, морально деградировавшего люмпен-интеллигента, враждебного ко всему на свете, не видящего вокруг ничего, кроме низости и зла, одержимого назойливым доморощенным философствованием, — вариант характера, изображенного Достоевским в «Записках из подполья»: «Я больной человек... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень».

Беллетрист вправе придумывать все, что ему угодно. Проблема, однако, в том, что «Шостакович» — это имя не вымышленного героя. И даже если черты, которыми г-н Волков наделил своего героя, не вполне чужды Шостаковичу, все же последний несводим к образу, выступающему со страниц «Мемуаров». То, что выглядит достоверным в малом масштабе, в крупном масштабе оказывается грубым искажением.

Англоязычные читатели — как специалисты, так и любители музыки — до сих пор имеют весьма ограниченное и сильно

* Из «Гамлета», с. 115; из дневника А. Фадеева, с. 258; из ответа Римского-Корсакова на приглашение Дягилева, с. 177, и др.

** Партитура оперы Чайковского «Воевода», погибшая при пожаре театра, была в 1946 году восстановлена по сохранившимся оркестровым партиям Юрием Кочуровым, а не Ламмом, как сказано на с. 165; опера Шостаковича «Нос» была изъята из репертуара в результате инспирированного «протеста рабочих», помещенного в одной из ленинградских газет, а не по причине слишком многочисленных репетиций (с. 130) и т. д.

упрощенное представление о сложности музыкального пути и наследия Шостаковича, о его жизни, личности, психологии и абсурдности окружавшей его общественной среды. Полнейшим и правдивейшим свидетельством всей его жизни служит созданная им музыка, а не случайные фразы, которые мог сказать этот смертельно больной, психологически искалеченный человек, даже если бы его слова были сохранены и переданы с абсолютной точностью.

Я сомневаюсь в том, что литературный опус г-на Волкова приблизит читателя к пониманию этой трудной, деликатной темы или поможет ему глубже постигнуть, что именно делает Шостаковича Шостаковичем. Напротив, можно опасаться, что содержание и стиль «Мемуаров» лишь укрепят ходячее мнение о музыке Шостаковича как стилистически устарелой и в целом не слишком привлекательной.

На с. 250 г-н Волков приводит слова Шостаковича: «...я очень сожалею о том, что была опубликована переписка Антона Павловича [Чехова] с О. Л. Книппер-Чеховой, настолько интимная, что не хотелось бы многое видеть напечатанным»*. Эти слова можно прямо отнести к рецензируемой рукописи.

28 августа 1979

* Д. Шостакович о времени и о себе: 1925–1975 / Сост. М. Яковлев. М., 1980. С. 288.